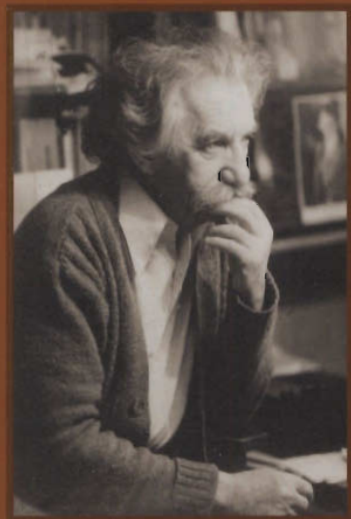

Ю. М. ЛОТМАН

Письма

М. К. Азадовскому

З. С. Базевскому

Б. Ф. Егорову

З. З. Иванову

Б. Н. Топорову

Б. А. Успенскому

родным

и сокурсникам

ЯЗЫКИ
СЛАВЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Лотман Ю. М.

Л 80

Письма: 1940—1993 / Сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. Б. Ф. Егорова. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 800 с.; ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-9551-0134-9

Книга включает 732 письма замечательного литературоведа, культуролога, семиотика, историка Юрия Михайловича Лотмана (1922—1993). Эти письма посылались родным, друзьям, коллегам и ученикам в течение полустолетия: от предвоенных, с 1940 года, писем из армии до предсмертных посланий близким. Главные темы: научные идеи, отзывы, критика; кафедральный и семейный быт; отдельные социально-политические высказывания. В письмах ярко проявляются оригинальность мышления и остроумие автора, его уникальные человеческие качества. Письма сгруппированы по адресатам. Наиболее крупные комплекты: Б. Ф. Егорову, коллеге и товарищу (свыше 200), семейные (около 100), Ф. С. Сонкиной, университетской сокурснице (около 100), другим сокурсникам (около 50), академикам В. Н. Топорову и Вяч. Вс. Иванову, профессорам М. К. Азадовскому, В. С. Баевскому, Б. А. Успенскому и др. Письма эти — ценнейший материал для всех, интересующихся гуманитарной культурой нашей страны.

ББК 71.1

Издательство благодарит за предоставление иллюстративных материалов для этой книги

М. К. Азадовского, Г. Г. Амелина, В. С. Баевского, О. Н. Гречину, Б. Ф. Егорова, Вяч. Вс. Иванова, Л. М. Лотман, Ф. С. Сонкину, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского

Юрий Михайлович Лотман

ПИСЬМА

Издатель А. Кошелев

Редактор Н. Зорина. Корректор Л. Ю. Аронова

Подписано в печать 29.03.2006. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».

Усл. печ. л. 64,5. Заказ № 411. Тираж 1000.

Издательство «Языки славянской культуры», ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 5-9551-0134-9

ISBN 5-9551-0134-9

© Ю. М. Лотман, 1997

© Б. Ф. Егоров. Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии, 1997

© С. А. Жигалкин. Оформление переплета, 2006

© Языки славянской культуры, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Ф. Егоров. О письмах Ю. М. Лотмана</i>	7
--	---

ПИСЬМА Ю. М. ЛОТМАНА

«Дорогому семейству» (№№ 1—30)	15
Сестре (Л. М. Лотман) (№№ 31—93)	39
Довоенным сокурсницам (№№ 94—114)	91
М. К. Азадовскому (№№ 115—116)	107
Б. Ф. Егорову (№№ 117—371)	111
Ф. С. Сонкиной (№№ 372—464)	367
М. В. Колокольниковой (№№ 465—473)	451
Б. А. Успенскому (№№ 474—652)	463
Вяч. Вс. Иванову (№№ 653—683)	645
В. Н. Топорову (№№ 684—703)	671
В. С. Баевскому (№№ 704—725)	693
Л. Л. Фиалковой (№№ 726—732)	711
Указатель имен (<i>Б. Ф. Егоров</i>)	723
Хронологический указатель (<i>Л. Ю. Аронова</i>)	777
Список сокращений	785
Рисунки Ю. М. Лотмана	789

«ДОРОГОМУ СЕМЕЙСТВУ»

Ю. М. вырос в Ленинграде в дружной семье, погруженной в отечественную и мировую культуру. Отец, Михаил Львович (1883—1942; не перенес блокадной зимы), — юрисконсульт ленинградских издательств, мать, Александра Самойловна (1889—1963), — зубной врач. Их старшая дочь Инна (род. 1915; в замужестве — Образцова) — музыковед и композитор; она подписывалась «Ина», поэтому и другие члены семьи в письмах называли ее так. Средняя, Лидия (см. раздел писем Ю. М. к ней), — литературовед. Младшая, Виктория (род. 1919), — врач-кардиолог, во время Отечественной войны мобилизованная на фронт, работник госпиталя, после войны — вначале врач в Институте скорой помощи, затем — кардиолог в больнице Академии наук. Ее домашнее имя — Ляля.

Ю. М. был самым младшим ребенком, любимым сыном и братом. По инициативе отца постоянными были походы в Эрмитаж и Русский музей, домашние спектакли, по инициативе Инны Михайловны — музыкальные вечера. Дети учились в близкой к дому Петершуле, известной школе, где в 1920-х — начале 1930-х гг. преподавание еще велось, как до революции, на немецком языке. А семья жила в знаменитом доме (Невский пр., 18), где в XIX веке помещалась кондитерская Вольфа и Беранжера: здесь Пушкин встретился со своим секундантом Данзасом и отправился на трагическую дуэль.

Переписка Ю. М. с родными велась, естественно, при разлуке: во время службы Ю. М. в армии (1940—1946) и после его отъезда в 1950 г. на преподавательскую работу в Тарту (Эстония). Несколько писем Ю. М. лично к матери (1949 г.) связаны с ее поездкой на курорты.

Так как Л. М. Лотман была наставницей Ю. М. — студента в области филологии, — да к тому же она, находясь в эвакуации в Поволжье в 1942—1944 гг., а после войны выйдя замуж, жила отдельно от родных, то Ю. М. писал к ней, главным образом, отдельно, почему эти письма и выделены в особый раздел.

К сожалению, основная часть писем к родным, находящаяся у И. М. и Н. Ю. Образцовых, оказалась недоступной; публикуются лишь письма, любезно предоставленные составителю тома Л. М. и В. М. Лотман.

1

22.6.42.

Добрый день, дорогое семейство!

Пишу вам, хотя писать, собственно говоря, не о чем. Я по-прежнему жив, здоров и чувствую себя отлично. На нашем участке, после ожесточенных боев, все спокойно. Купаюсь в <...>¹. Итак, год войны. Торжественный день, и в голове всякие мысли по этому поводу. Такие и сякие. Происходящее под Севастополем очень знаменательно: немцы теряют драгоценное для них летнее время на операции местного значения, а из этого я делаю вывод, что они не собираются вообще предпринимать в этом году общего наступления, а стремятся создать прочную оборону на случай II-го фронта². Так это или нет, покажет время. Хорошо было бы кончить до зимы. Собираюсь поступать в партию. Вот и все про меня, а про вас я совсем ничего не знаю. Письма очень редки и по-спартански лаконичны. Дорогие девочки! Я прекрасно сознаю те трудности, кот<орые> стоят перед вами. Но это будет недолго, и надо любыми средствами перетерпеть это время. Держитесь вместе и сохраняйте бодрость.

Не огорчайтесь, если вещи (какие угодно) пропадут. Не придавайте этому никакого значения³.

¹ Военная цензура обычно тщательно выскабливала или заливала черной краской все географические названия, которые считались военной тайной. По длине выскобленного слова можно предположить, что это или «Дон», или «Донец».

² Увы, 2-й фронт западные союзники открыли лишь два года спустя, а немцы зато неделю спустя начали на южных фронтах наступление, приведшее их к Сталинграду и Кавказским горам.

³ Окончание письма не сохранилось.

2

21.VIII.44 г.

Здравствуй, Ляля!

Давно не писал тебе писем, давно и не получал от тебя ничего. Только позавчера получил твое письмо, но эти несколько дней был так занят, что написать не мог.

Мы все еще стоим на отдыхе — недалеко от тех мест, где когда-то отдыхала Лида¹. Занимаюсь я понемножку и чтением, и зубрежкой французского. Однако вы все преувеличиваете значение этих занятий. Занимаюсь я в основном затем, чтоб «время проводить»².

Я себе представляю место, в кот<ором> ты находишься, но слабо представл<аю> твою должность, а это ведь не секрет³.

Ляля, ты извини меня за краткость, но я совершенно не умею писать писем. Остается только надеяться, что когда-нибудь встретимся и договорим все недоговоренное.

Твой Юрий

Р. С. Приветы Вере и Дебе¹.

¹ Намек на г. Друскининкай (Литва).

² Косвенный намек на пушкинские «Наброски к замыслу о Фаусте» (1825), где Смерть, в ответ на упрек в плутовстве, говорит Фаусту: «Ведь мы играем не из денег, // А только б вечность проводить!»

³ В. М. Лотман работала в госпитале на Ленинградском фронте в чине старшего лейтенанта.

⁴ Подруги В. М. Лотман Вера Александровна Шафрановская (в то время, как и В. М., военврач) и Дебора Михайловна Крупп (инженер).

3

20/IX—44 г.

Salvate amici carissimi!¹

Наконец собрался написать Вам «большое» письмо. За прошедший промежуток времени событий произошло очень много. Начну с того, что чугунка перенесла меня из Белоруссии на родину Бойтманов². Ехали мы большим крюком, и чуть было не попал в родной город, но, не доезжая его, повернул. Сейчас мы пробиваемся к берегам нашего родного моря. Переезд наш прошел благополучно и сопровождался рядом интересных встреч. Наиболее знаменательные были след<ующие>. В одном пункте к нам на эшелон подсели бывшие руководители одного из крупнейших соединений белорусских партизан. Только из разговоров с ними можно себе представить действительный размер партизанского движения, кот<орое> действительно принимало формы не только гверильи, а организованной войны. Партизаны имели регулярную авиасвязь с нашим командованием, получали от него задачи. Много любопытного сообщили они об способах добычи оружия партизанами, о партизанском быте. Интересно между прочим то, что, как они говорили, самым надежным для партизан народом были белорусские раскольники, как их здесь называют, «староверы». Среди них не оказалось буквально ни одного предателя.

Другой интересной встречей оказалась встреча с научным сотрудником Виленского университета, доцентом этнографии. Его специальность — сбор и изучение белорусского песенного фольклора, с упором на его музыкальную сторону. Он был очень рад поговорить на фольклорные темы, т<ак> к<ак>, по его словам, он уже более 3-х лет ни с кем не говорил об этом (при немцах все научные сотрудники скрывались,

т<ак> к<ак> те насильно привлекали их к сотрудничеству, а за отказ расстреливали). Он эти три года проработал помощником аптекаря, а когда за три недели до ухода немцев его выдали, он вынужден был искать убежища в лесу у партизан, где и записал много интересных песен, кое-какие из кот<орых> он мне читал. Подход к фолькл<орным> песням с музыкальной стороны очень правилен. Я уже давно пришел к убеждению, что запис<ывать> песни без мотива все равно, что сдирать кожу с живого существа. Однако мне бросилась в глаза совершенно другая постановка вопроса, чем у нас. Фольклор для него больше связ<ан> с этнографией, даже археологией — меньше с литературой и лингвистикой, кот<орая> для него вообще *terra incognita*³. Так, напр<имер>, он сообщил интересную вещь, что тематика песен белорусских раскольников близко подходит к олонечной, когда же я его спросил, есть ли общее в говорах, он мне не мог ответить. Зато должное внимание отдается вопросу интонаций. Он был очень обрадован тем, что я знаю Азадовского, и сказал, что имена Гиппиуса, Азадовского, бр<атьев> Соколовых, Томашевского и др. пользуются у них большим авторитетом. Но тут раздался гудок, и я поехал вперед, а он остался разыскивать дочку, потерянную во время оккупации.

На днях я получил несколько Ваших писем, в кот<орых> было много для меня интересного. Перво-наперво большое спасибо за адрес Нёмы⁴. Я уже и не чаял его живым. Мне очень приятно, что в Университете еще кое-кто о мне помнит, и я прошу передать Марье Семеновне⁵ мой привет.

У нас ясная сухая осень.

Ну, пока все.

Крепко целую, Ваш Ю. Л<отман>

Р. С. Лида, если ты хочешь узнать про ребят из моей бывшей группы, то можно спросить у Люси Алексеевой⁶ (дочь или внучка проф. Алексеева) — она училась в нашей 5-ой русской группе.

Письмо хранится в архиве М. К. Азадовского (РГБ, ф. 542, карт. 66, № 13. Л. 6—6 об). Видимо, Л. М. Лотман передала это семейное письмо известному фольклористу, которого могли заинтересовать сведения о фольклоре и фольклористах, и письмо осталось у него (см. еще письма Ю. М. к М. К. Азадовскому).

¹ Здравствуйте, дражайшие друзья! (*лат.*)

² Ю. М. пытается (и успешно!), не называя местностей, в обход цензуры, сообщить родным о своих маршрутах. Упоминая близких к семье Ю. М. латышей Бойтманов, он указывает, что его часть продвигалась к Ленинграду, затем свернула в Латвию и «пробивается» к Балтийскому морю.

³ неизвестная земля (*лат.*)

⁴ Нёма — Наум Берман, школьный товарищ Ю. М.

⁵ Марья Семеновна Лев, диспетчер филологического факультета ЛГУ.

⁶ Люся Алексеева — Любовь Васильевна, дочь академика В. М. Алексеева, известного китаиста.

18.XI.44.

Здравствуй, Ляля!

Отвечаю на твое письмо от 30.X. Прежде всего не могу не отметить как отрадный факт довольно регулярную работу почты — 18 дней — срок ничтожный. Дерзаю надеяться, что не далее как 5 декабря это письмо будет уже в твоих руках. Завтра наш праздник — День артиллерии. Этот день мы собираемся справить по всем правилам — с весьма большим шумом.

В отношении «чтива» у меня плоховато. Скрепя сердце читаю скучные книги — полит<ическую> экономию и пр. Упорно, скучно и довольно безуспешно зубрю французские слова. Однако в перспективе перед нами большой портовый город¹, в котором постараюсь пополнить свои книжные запасы.

Погода у нас долгое время стояла гнусная — грязь, но сейчас небольшой морозец, подсушило, погода — отличная.

Нового про себя ничего сообщить не могу. У меня все без изменений. Я здоров, настроение неплохое.

Жму руку, твой Юрий

P. S. Мои поклоны Дебе, Вере² и всем общим знакомым.¹ Возможно, Рига.² См. примеч. 4 к п. 2.

31.III.45 г.

Здравствуй, Ляля!

Решил первым прервать паузу в нашей переписке. С моей стороны причина паузы — лень. Мы уже с неделю в обороне, и времени достаточно, но когда времени много (пущусь в парадоксы), то его гораздо меньше, чем когда его мало. После сего туманного вступления перехожу к обычному жив-здоров. Да, я действительно жив-здоров, несмотря на только что перенесенную прививку — два кубометра, т<о> е<сть> куб. сант<иметра> весьма взрывчатой смеси, гарантирующей от всех страданий: от поноса до плохого настроения. У нас весна уже в полном разгаре. Скворцы поют, цветы цветут и прочие «ут» и «ют». Мне посчастливилось на одной из полок одного частного книгохранилища найти первый том Гейне в таком же издании, как наше домашнее. Я его сейчас с удовольствием читаю и даже иногда, да простит Бог мя грешного, пробую переводить. Не знаю, писал ли я тебе или

нет, но один том лирич<еских> стихов Гейне я нашел еще на Днестре в 41 г. и после этого носил его в противогазе до самого Кавказа, вынеся из всех окружений. В заключение он по нелепой случайности погиб. Так что встреча была все равно что с старым другом. Для меня за каждым стихотворением тянется целая борода воспоминаний. Этим закругляю. Передай приветы Дебе и Вере.

Р. S. Одновременно с этим письмом я написал письмо домой. Если тебе его доведется читать, не обижайся на аналогичность — фантазия хромает.

Юрий

6

5.IV.45.

Здравствуй, Ляля!

Только что получил твое письмо от 20.III. Как видишь, твои письма ко мне идут быстрее, чем мои к тебе. Ты нарисовала такую страшную картину моего существования, что даже меня испугало. На самом деле, что говорится, «не так страшен черт». Что ж касается настоящего момента, то я сижу в весьма удобной комнате, за столом, после бани. На столе лежат книги — чем не рай? После твоего письма я смутно начал вспоминать какую-то тетю Олю, притом у меня в памяти вырисовывается высокая женщина, не то с белой шалью на голове, не то с очень белыми седыми волосами, но очень-очень смутно. Что же касается до прочих Лазаревичей¹, то я их совсем не помню.

Ну, вот пока и все. Жму руку. Юрий

Р. S. Приветы Дебе и Вере.

¹ В. М. Лотман дружила с семьей Ольги Моисеевны Лазаревич.

7

18.4.45.

Здравствуй, Ляля!

Сегодня получил твое письмо от 5.IV. Как видишь, оно дошло очень быстро. У меня новость — меня наградили за бои у Одера орденом Красной звезды. Кроме того, у меня уже болтаются две медали — «За отвагу» и «За боевые заслуги». Медаль «За оборону Кавказа» должен получить скоро. К новостям у меня относится еще и то, что я уже вижу, как союзники по ночам бомбят Берлин. Вспышки, взрывы и прожекто-

ра хорошо видны за 60 км. В свободное время — читаю. Книжку Чехова, кот<орую> мне выслала Ина, я получил, а книжку, кот<орую> выслала Лида, я не получил. Досадно, но, видимо, она затерялась. Про себя больше писать нечего — в отнош<ении> погоды — весна, а в отнош<ении> здоровья — так я за всю войну почти ничем не болел.

Я очень рад, что Вера теперь вместе с тобой — все-таки не так скучно. Клaniaйся ей от меня. Также самые низкие поклоны от меня Дебе.

Ну, собственно и все. Жму руку. Юрий

Р. S. Извиняюсь за огромный конверт, но другого нет под рукой.

8

19.4.45 г.

Здравствуй, Ляля!

В сегодняшнем письме вкладываю свою фотомордию — плод любительских опытов моего друга. Как видишь, он достиг в этом деле значительного совершенства. Что говорится, «себя, как в зеркале, я вижу, но это зеркало мне льстит»¹. Одну такую же карточку я выслал маме, еще одну вышлю Ине и Лиде. Я специально не посылаю в одном письме, т<ак> к<ак> так больше вероятности, <что> дойдет. Этим, собственно, <и исчерпывается?> все, что я хотел тебе <написать?>².

Жму руку. Юрий

¹ Цитата из стих. А. С. Пушкина «Кипренскому» (1827).

² Край письма оторван.

9

11.V.45 г.

Здравствуй, Ляля!

Поздравляю тебя с победой. Не буду останавливаться на своих чувствах, т<ак> к<ак> ты их, наверное, отлично представляешь. Однако, как ни хочется домой, но по ходу событий видно, что это будет не особенно скоро. Я себя чувствую очень хорошо, и настроение бодрое. У нас май в полном цвету. Мы стоим в сосновом лесу и оборудуем свой лагерь, переходим на мирную армейскую жизнь. В одном немецком журнале за 1940 г. мне попала очень интересная, в свете сегодняшних событий, фотография: Кейтель — тогда еще генерал-полковник — в Компьенском лесу диктует Франции акт о безоговорочной капитуляции. Могу тебе доложить, что выражение лица у него гораздо бодрее, чем на фотографиях из наших газет, где он подписывает акт о капитуляции Германии, — отлились коту мышинные слезки.

Меня очень интересуют твои ближайшие перспективы: думаешь ты оставаться на этом месте или собираешься сменить «мечи на орала»?

Передай от меня приветы Дебе и Вере. Я очень тронут тем, что они меня еще помнят.

А пока жму руку. Юрий

10

5.VI.45 г.

Здравствуй, Ляля!

Заранее предупреждаю, что никаких новостей в этом письме не будет, т<ак> к<ак> все у меня идет по-старому. Я живу сейчас неплохо (если не считать постоянной скуки). Погода у нас отличная: солнце, луна, звезды и все такое прочее. О скором свидании пока, видимо, даже и думать не надо, и я тебя попрошу как-либо поделикатнее приучить к этой мысли маму. Это, собственно говоря, единственное, что более или менее является новостью. Не помню, писал ли я тебе, что в период боев по расширению плацдарма за Одером (я сам только сейчас узнал) меня наградили Орденом Отечественной войны II степени. Таким образом, у меня имеются, если подвести итог этой войны, два ордена (второй — Кр<асная> звезда) и три медали — «За отвагу», «За боев<ые> засл<уги>» и «За оборону Кавказа». Германия надоела до «нема спасу». Глядя на здешний асфальт, я с тоской вспоминаю прежде столько раз руганную грязь Белоруссии и Украины и уже вполне подготовлен для декламаций à la Чацкий про дым отечества¹.

Книг мало, но и те, кот<орые> есть, читать неохота. Только не составь себе превратного мнения о том, дескать, я хандрю или что-либо такое, но просто очень сонное и равнодушное настроение.

Вот пока и все. Привет Вере и Дебе. Юрий

P. S. Ты собираешься демобилизоваться или так же, как и я?

¹ Намек на крылатую фразу Чацкого из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (д. 1, явл. 7): «И дым отечества нам сладок и приятен».

11

10.VI.45 г.

Здравствуй, Ляля!

Я живу по-прежнему и рассчит<ываю> так же «по-прежнему» жить еще очень значительный промежуток времени. Конечно, это очень нелегко, но ничего не поделаешь.

В это письмо я вкладываю записку, которую очень прошу поскорее передать Лиде. Я хочу, чтобы об этой записке мама ничего не знала бы. Вы с Иной, конечно, если интересуетесь, можете прочесть. Прошу как-либо помягче подготовить маму к мысли, что пока меня ждать не следует. Территориально — я на старом месте, где, наверное, и пробуду еще очень долго. Физически и морально чувствую себя хорошо. Вполне здоров, если не считать Heimweh¹.

Германия опостылела, несмотря на ее красивые ландшафты. Не глядели б мои очи на нее. Действительно, точно сказано у Мицкевича, что только тот оценит отчизну, кто ее утратит².

Ну, пока и все. Крепко жму руки. Юрий

P. S. Поскорее передай записку Лиде.

¹ тоска по родине (нем.).

² Заветная мысль А. Мицкевича, выражавшаяся в стихах и прозе. См., например, начало поэмы «Пан Тадеуш» (1834).

12

25.VI.45 г.

Здравствуй, Ляля!

Сегодня получил твоё письмо. Отвечаю сразу, хотя никаких событий нет. У меня все хорошо. Я справился с «проклятою хандрой» и чувствую себя сейчас довольно бодро, но просьба книг, переданная мной через тебя Лиде, остается в силе. На скорое свидание пока рассчитывать не приходится.

Я сейчас работаю декоратором в нашем ансамбле самодеятельности. Работа интересная, и свободного времени много. Еще раз повторяю свои две основные просьбы: 1) подготовить маму к тому, что мне еще некоторое время придется побыть здесь и 2) книг, книг и еще раз книг. На подбор (меня интересуют более специальные, а не беллетристика) я целиком полагаюсь на Лиду. Прислать обратно я их не смогу, но обещаю их хранить. Когда-нибудь я же все-таки вернусь!

Меня очень радует, что Деба и Вера меня не забывают — передай им от меня приветы. В письмо я вкладываю нашу любительскую фотографию дворца Фридриха Великого в Потсдаме (под Берлином).

Ну, пока все. Жму руку. Юрий

13

4.VIII.45 г.

Здравствуй, Ляля!

Посылаю тебе в этом письме карточку (вторую пошлю домой). Прежде всего я рассчитываю, что ты оценишь мастерство моего приятеля, снимавшего меня. У меня все без изменений. Настроение у меня

хорошее. Понемногу занимаюсь, хотя сильно разленился. На днях в Л<енингра>д должен приехать из госпиталя мой лучший друг Алексей Егоров. Он обязательно должен зайти ко мне домой. Если ты его увидишь, то всячески его протезирую — это очень хороший человек. В отпуск мне (по крайней мере, на первых порах), видимо, не удастся съездить, т<ак> к<ак> у нас это вообще трудно. Потому лучше не волновать маму простыми разговорами по этому поводу, если же что-либо получится, то я, конечно, сообщу, хотя еще раз говорю, что шансов мало.

Читала ли ты стихи Дудина? Мне прислала Оля Гречина сборничек его стихов (среди др<угих> книг). Сборник наз<ывается> «Костер на перепутье» и очень мне понравился. Если ты не читала — прочти обязательно. В журнале «Знамя» № 4 есть критич<еский> разбор этих стихов, и критик с важностью осла ругает лучшие стихотворения, хваля самые слабые¹.

В остальном все по-старому. Жму руку. Юрий

Р. S. Приветы Вере и Дебе.

¹ Имеется в виду статья Л. Тимофеева «Среди стихов (Статья третья)», посвященная ленинградским поэтам (вся статья — с. 140—143; о сб. М. Дудина «Костер на перекрестке» — Ю. М. называет его неточно — с. 141—142). Ю. М., очевидно, не знал, что рецензент — уже достаточно именитый литературовед, автор трудов по теории литературы (см. примеч. 2 к п. 26); тем более, Ю. М. не мог предполагать, что этот ученый станет одним из активных борцов с семиотикой, структурализмом, «тартуской школой»...

14

<Ленинград.> 4.IX.49.

Здравствуй, мама!

Прости, что мы, твои дети, такие свинтусы, что не пишем тебе. У нас все в порядке. Мы с Лялей чувствуем себя хорошо и питаемся очень хорошо. Наташа выросла и стала большим человеком, хотя пишется без перерыва (я ее лихо пеленаю, купаю, качаю и только что не кормлю). Ина и Юра выглядят хорошо. Никаких особых новостей у нас нет. Погода уже холодная, и ты на обратном пути будь очень осторожна — простудиться сейчас с юга — пара пустяков, а это будет очень обидно.

Еще раз прошу телеграммой сообщить № поезда. Лида, Эрик и Лорочка чувствуют себя хорошо. У них все в порядке.

Во время твоего отсутствия Валя ведет себя очень хорошо. Вот и все наши дела.

Крепко целую. Юрий

В письме упоминаются члены семей сестер Ю. М. Инны (муж Ю. Н. Образцов и дочь Наталья) и Лидии (муж Э. Э. Найдич и дочь Лариса). Валя — домработница.

15

<Ленинград.> 10.IX.<1949 г.>

Здравствуй, мама!

Все наши домашние дела тебе описала Ляля. К этому я могу только добавить, что у нас все в порядке. Я стараюсь кормить Лялю как можно лучше.

Как твои дела? Как погода? Какие фрукты есть у вас, была ли ты на месте дуэли Лермонтова? Напиши обо всем подробнее. Будь здорова.

Крепко целую. Юрий

Р. S. Привет от Ины, Юры и Наташи. Ина тебе напишет отдельно.

Р. S. Р. S. Твои помидоры зреют.

16

<Ленинград.> 19.IX.49.

Здравствуй, мама!

Ты нам очень мало пишешь, и мы беспокоимся. Как ты проводишь время, какая погода, чем питаешься? Нужны ли тебе деньги? Если надо, то сообщи, мы вышлем. У нас сейчас с деньгами хорошо. Пиши подробнее вообще о твоих делах.

У нас все в порядке. Мы все живы-здоровы. Я готовлю обеда, и мы с Лялей питаемся очень хорошо. Нам всего хватает. Инина Наташа быстро растет — уже похожа на человека. Ей тут надарили всяких подарков. У Лиды тоже все в порядке. Погоды у нас стоят ясные. Все время было очень тепло, лучше, чем летом, и только сейчас начинаются холода. По утрам заморозки. Фруктов у нас много, и они дешевы. Я их регулярно покупаю, и мы варим кисели или так едим. Вот и вся наша жизнь. Еще раз напоминаю тебе о том, что мы можем, если нужно, выслать тебе денег. Ни в чем не отказывай себе.

Крепко целую. Юрий. Приветы от Ляли, Лиды, Ины с дочкой, Юры и Эрика.

17

<Ленинград. 27 сентября 1949 г.>

Здравствуй, дорогой мопс!¹

Ты нас очень обрадовала и огорчила своим письмом. Обрадовала, т<ак> к<ак> было очень приятно получить от тебя весточку и особенно твою карточку. Огорчила тем, что у вас плохие погоды и ты собираешь-

ся приехать. Ни в коем случае этого не делай. Этим ты меня огорчишь сверх всякой меры. Кроме того, будет очень обидно, если ты уедешь, а там погоды установятся. Даже и без солнечных дней можно отдохнуть, а ленинградского тумана еще успеешь надышаться.

Еще раз прошу сидеть и не рыпаться до окончания путевки. Когда будешь уезжать, обязательно телеграммой сообщи № поезда и в дороге одевайся теплее: при перемене климата очень легко, не дай Бог, простудиться, а у нас уже прохладно.

Целую. Юрий

27.IX.49.

¹ Отец семьи М. Л. Лотман любил давать своим ближним прозвища; жене он называл Мопсом. Ю. М., желая сохранить в доме дух отца, тоже называет ее, свою маму, Мопсом.

18

<7 сентября 1950 г.>

Здравствуйте, дорогие мама, Ляля, Ина и Лида!

Я уже обосновался на новом месте и очень доволен¹. Встретили нас² очень хорошо. Сразу же дали машину для того, чтобы привезти вещи с вокзала (характерная деталь: ни за что не могли заставить шофера взять 5 рубл. чаевых). Сейчас живем временно в студенческом общежитии, каждый в отдельной комнатке (я — в изоляторе), и комендантша — очень милая женщина, которая страшно боится какого-то «злого доктора», говорит, что в крайнем случае скажет, что здесь находится «больной педагог».

Начальство очень приветливо. Все эстонцы. Я занимаю должность старшего преподавателя и веду курсы древней русской литературы, XVIII в., XIX в., советской литературы, фольклора и теории литературы — это программа 2-х лет.

Сейчас я читаю древнюю лит<ературу> (еще не читал) для V курса (здесь 6 курсов: 4 первых — 6-ой — 10 классы нашей школы, 5 и 6 — программа учительского института), аудитория — смешанная (эстонцы и русские) и начало XIX в. для 6 курса — ауд<итория> чисто русская (называется громко «аудитория», а на самом деле человек 15—20 девушек различного возраста, кажется, есть толковые).

С 5 курсом будет труднее — и народу больше, и придется потрудиться, чтобы наладить контакт с эстонской частью аудитории.

Программа не очень сжата — древняя и XVIII в. по 34 часа, XIX, советская — и того больше. Очень прошу срочно выслать мне бандеролью учебник Соколова по фольклору (он стоит у Лиды на полке — налево от Пушкина), «Теорию литературы» Томашевского — книга в переплете из папки в моем шкафу на второй полке снизу в первом ряду. Если шкаф закрыт — ключи в моем ящике бюро. Попросите Лиду или Зару срочно

поискать в городе учебник теории литературы Тимофеева. Столь же срочно надо выслать пачку писчей бумаги или тетрадей — здесь их нет. Все это бандеролью по адресу: г. Тарту, Эстонская ССР, Сальме 1а, Учительский институт, Канцелярия, для Лотмана Ю. М., преподавателя.

Получили ли Вы мою телеграмму? Сегодня я попытался звонить по телефону, но ни у Капралова³, ни у Минны к телефону никто не подошел. Т<ак> к<ак> с деньгами у меня не очень густо, то пока от звонков воздерживаюсь. (Денег высылать не надо — мне до получки должно хватить — у меня осталось 130 рублей, а дней через 10 нам, вероятно, дадут деньги). Я трачу 15 рублей в день (иногда 12—13) и живу прекрасно. Питаюсь сравнительно дешево (обед 5,50—6 <руб.>) и очень вкусно в кафе со странным названием Ко-Ко-Ко-Ко. Городок очень милый, очень чисто и красиво, как в театре. Надо будет, чтобы вы летом приехали. Заниматься здесь можно. Библиотека весьма приличная — вполне достаточная для подготовки аспирантских минимумов. Ну, вот и все.

Крепко целую. Юрий

7.IX.50. (Пошлю завтра утром, т<о> е<сть> 8.IX.)

P. S. Высылаю копию диплома. Бандероли шлите на институт, а письма — по адресу: г. Тарту Эст. ССР, Главный почтамт, до востребования.

P. S. P. S. Вышлите также Кольцова в из<дании> Малой серии «Библиотеки поэта» (стоит у меня на полке!).

7 сент<ября> 1950.

¹ Ю. М., наверное, самый выдающийся и перспективный молодой ученый первых послевоенных лет, не был оставлен в аспирантуре ЛГУ из-за «пятого пункта» (национальность), несмотря на усиленные хлопоты профессуры, особенно — Н. И. Мордовченко, руководителя дипломной работы Ю. М. и тогдашнего зав. кафедрой русской литературы. Однако дали ему так называемый «свободный диплом», т<о> е<сть> выпускник не посылался насильно на определенное место, а волен был сам распоряжаться своей судьбой. Сокурсница Ю. М. Ольга Зайчикова, получившая назначение в Тартуский учительский институт, узнала, что там требуется еще один преподаватель русской литературы, сообщила Ю. М., и он таким образом впервые приехал в Тарту (подробнее об этих месяцах жизни Ю. М. см. Лотм. сб. 1, с. 35—36, 39—40).

² Ю. М. приехал в Тарту вместе с О. Зайчиковой.

³ Капралов — сосед Л. М. Лотман (у нее не было телефона).

<10 сентября 1950 г.>

Здравствуйте, мама, Ляля, Ина, Лида и Юра Образцовцы!

У меня полный порядок. Я читаю лекции, получается пока (тьфу, не сглазить) ничего. Сегодня был в бане. Бани здесь отличные. Вообще

здесь очень хорошо, на лето вы обязательно ко мне приедете. Только еще не знаю, куда, т<ак> к<ак> живу пока все еще в изоляторе общежития. Здесь очень хорошо и уютно. Мне регулярно моют пол, а утром и вечером приносят в комнату чай, но постоянно жить здесь нельзя. Пока что директор ищет.

Спросите Лиду, пусть она посоветуется с людьми знающими. Не мог бы университет мне дать какое-либо (хотя бы и липовое) направление? Тогда я мог бы получить подъемные и т. д. А то и деньги есть, и директор хочет выплатить, а юридических возможностей нет. Но, вероятнее всего, это не удастся (получить из университета справку), ну и шут с ней. А в остальном пока прекрасно.

Сейчас заради минимума читаю страшенную плешь — книгу К. Аксакова о Ломоносове¹.

Ну, пока — привет. Маму целую особенно. Ваш Юрий

P. S. Ляля, пиши мне подробно о вашей и твоей жизни. Юрий.
10.IX.50.

P. S. P. S. Эрику, Ларисе, Анне Исаевне и бабушке² 1000 приветов. Наташе столько же.

¹ Магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846). Ю. М. тогда не понимал серьезного содержания и исторического значения этой книги.

² Анна Исаевна и бабушка — свекровь Л. М. Лотман и мать свекрови (см. примеч. 3 к п. 44).

<11 сентября 1950 г.>

Здравствуйте, мама, Ляля и Ина и Юра Обр<азцов>!

У меня полный порядок. Все хорошо. Я читаю лекции в институте и один месяц буду замещать лектора в университете, а если это пройдет хорошо — в будущем полугодии буду читать в университете спецкурс по Радищеву.

Ваших писем я еще не получал и не стал бы вас беспокоить, если бы мне не была нужна кое-какая помощь. Я Лиде писал о высылке (срочно) мне книг. К тем добавьте с моей полки Полежаева в Малой серии «Библиотеки поэта» и брошюрку Мордовченко о Белинском¹, которая стоит у меня на полке в шкафу (вторая полка сверху). Это первое. Второе. Я слегка прожрался, и мне до получки не хватит рублей 50. Но это еще не такая беда (я мог бы их тут подзанять), но дело в том, что здесь (хотя очень тепло), но идут бесконечные дожди и без макинтоша здесь невозможно. Не говоря уже о том, что неохота мокнуть, так можно окончательно испортить костюм. Или купите мне по моему росту плащ, или вышлите деньги — рублей 150 (деньги я очень скоро смогу вер-

нуть). Если будете покупать, то плохого не берите, т^ак к^ак здесь все одеваются довольно прилично, а мое положение меня обязывает держать нос кверху.

Простите, что занимаю вас пустяками.

Привет, жду ваших писем. Юрий

Р. S. Деньги высылайте на Глав^{ный} Почтамт до востребования, книги и др. — на институт, письма — на Почтамт.

11.IX.50.

¹ Мордовченко Н. И. В. Г. Белинский. 1811—1848. Очерк литературно-критической деятельности. Л., 1948.

21

15.IX.50.

Здравствуйте, дорогие мама, Ляля, Ина и Юра Обр^{азцов} (+ Наташа)!

Сегодня получил Лялины бандероли и очень ей благодарен. Большое спасибо за все и особенно за тетради — теперь я ими обеспечен. Я вчера звонил Юре Левину в основном не за тем, чтобы чего-либо просить, а потому, главным образом, что беспокоился о Лидиных делах в связи со статьей в «Лит^{ературной} газете» об их институте¹. Но, кажется, все в порядке. Как ваши дела? Лялька, твои? — пишите подробнее.

У меня — лучше и представить нельзя. Читаю лекции вовсю, а теперь два раза в неделю и в университете (сегодня это было утверждено официально) — я уже 2 часа читал. Это пока временно — на месяц, но в следующем полугодии, вероятно, буду в университете читать спецкурс по Радищеву (пока пусть Лидка об этом не очень там в среде профессоров треплет, т^ак к^ак, может, и сорвется). Денег это даст не очень много, но честь и к тому же очень интересно.

Лекции пока (тьфу, тьфу) идут хорошо. Почти не заикаюсь, вероятно, потому, что хорошо отдыхаю. Сплю очень много. (Живу пока еще временно в общежитии, но в хорошей отдельной комнатке.)

Готовлю минимум по Ломоносову. Книги здесь есть. Вообще библиотека прекрасная, и я в ней сижу не как-нибудь, а за столом с надписью: «Õrpejõududele» (ыпэйыудуделе), что обозначает «для профессорско-преподават^{ельского} сост^{ава}».

Относятся ко мне очень хорошо (и студенты, и начальство). В ин^{сти}ту^{те} у меня 2 русских группы и одна эстонская. Читаю я им сразу три программы (теорию лит^{ературы}, древнюю русск^{ую} лит^{ературу} и XIX в.) а в универ^{ситете} — четвертую.

Я просил через Юру Левина передать, чтоб вы мне переслали (с помощью Лиды) что-либо о Лермонтове. (Сам текст Лермонтова не надо, не надо и биографию Бродского² — я ее сначала просил у Лиды, но сейчас уже достал — если она послала — не беда, если нет — хорошо).

Magnus Har.

Шут Фарнос -
красный нос

Я ДЕТНА НЕБОГАТЫЙ -
А имек нос горватый

Собой весьма важеватый

Москва, 1979г.

Выплевывание глени,
в Нуре изыщных ижедсе
(из А.С. Пушкина)

Глубочные
ассоциации

Биз очков

12/III-1972, Лавин, Кембри.

Рыцарь науки

Дом Углетна. Москва
24/IV-79

Из книги
"Алиса в стране
чужа"